
УДК: 339.924
JEL: F500; B410

**Юрий Лысенко,
Наталья Далевская**

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Международная политическая экономия рассмотрена как комплексная научная дисциплина, которая сочетает теоретико-фундаментальные и практически-прикладные направления исследования интегративных тенденций структурирования мирового политико-экономического пространства. Раскрыты логико-методологические основы развития международной политической экономики. В рамках цивилизационной парадигмы предложена конфигурация логических форм международной политической экономики (холизм, детерминизм, информационность), что даёт возможность исследования многофакторности и многовекторности мирового экономического развития и определения структурной трансформации мирового порядка. Исследованы трансформационные процессы создания органического мирового политико-экономического пространства. Обоснованы социоинституциональные тенденции мирового экономического развития. Определены направления исследования эволюции мировой хозяйственной системы как многокомпонентной характеристики мирового политико-экономического пространства, учитывая природу логических форм международной политической экономики.

Ключевые слова: международная политическая экономия, мировое экономическое развитие, мировое политико-экономическое пространство, международные отношения, системно-структурные трансформации, логические формы международной политической экономики.

Лысенко Юрий Григорьевич (yuriy.lysenko.1945@gmail.com), д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. НАН Украины; директор Учебно-научного института инновационных технологий управления, Высшее учебное заведение Укоопсоюза "Полтавский университет экономики и торговли". Сфера научных интересов: модели и информационные технологии создания и функционирования инновационной интеллектуальной жизнеспособной системы управления.

Далевская Наталья Михайловна (dalevskanm@gmail.com), канд. экон. наук, доцент, ID ORCID: orcid.org/0000-0002-0074-497X; доцент кафедры экономики предприятия, Высшее учебное заведение "Донецкий национальный технический университет". Сфера научных интересов: международная политическая экономия, институциональная экономика, экономика развития.

Статья написана в рамках кафедральной научно-исследовательской темы факультета экономики и менеджмента Донецкого национального технического университета "Информационно-коммуникативное обеспечение социально-экономического развития в условиях глобализации" (номер государственной регистрации 0116U005387) Методология построения инновационных интеллектуальных жизнеспособных систем управления.

© А.Бандура, 2019

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2019. №2: 99–116

99

Актуальные проблемы развития международной политической экономики (МПЭ) определяются логикой кардинальных изменений в процессах структурирования мировой хозяйственной системы. Состояние фундаментального обновления структурных форм экономического развития приближается к фазе институционального переформатирования системы накопления капитала. Ограниченность экономических ресурсов и обострение конкурентной борьбы за них, дефицит глобальных правил и норм, доверия на транснациональном и межгосударственном уровнях относительно продуктивных способов достижения конкурентных преимуществ приводят к системным геополитическим и геоэкономическим трансформациям, определяющим соответствующие изменения в архитектонике международных отношений под влиянием структурных кризисов. Это детерминирует возникновение ряда методологических вопросов в развитии МПЭ, особенно о перспективах социального развития человека в условиях глобальной экономической конкуренции, органической функциональной дифференциации сфер деятельности акторов мирового политико-экономического пространства и формирования новых форм организации мирового порядка и т. п.

Целью этой статьи является раскрытие логико-методологических основ развития МПЭ в обосновании социоинституциональных тенденций мирового экономического развития.

Методология МПЭ формировалась под влиянием научных школ глобалистики ("Пределы роста" Римского клуба А. Печчеи, универсального эволюционизма Н. Моисеева, контролируемого глобального развития Д. Гвишиани, "устойчивого развития" Л. Брауна, экономического глобализма О. Билоруса), институциональных концепций экономики развития (мир-системного анализа И. Валлерстайна, "трёх эшелонов развития" А. Гершенкрона, "драмы" Г. Мюрдаля, "периферической экономики" Р. Пребиша, "зависимого развития" С. Амина), исследований представителей общественных движений, прежде всего альтерглобалистических, антиглобалистических и т. п.

Исследование О. Билоруса (2018), И. Валлерстайна (2003), К. Кеохейна (1972), Дж. Ная (1972), Дж. Розенау (2006), Дж. Стиглица (2003), А. Филипенко (2012) подтверждают, что мировая хозяйственная система как органическая структура постоянно эволюционирует. В связи с этим целесообразны такие утверждения.

Утверждение 1.

Обновление структурных элементов мировой хозяйственной системы осуществляется на основе единства созидания и разрушения экономических связей между акторами международных отношений, что особенно важно при анализе движущих сил современного этапа мирового экономического развития на методологической основе МПЭ.

Доказательство утверждения 1

С. Амин (2009), А. Гальчинский (2012), А. Гриценко (2012), М. Кастельс (2000), Ю. Пахомов (2008), Дж. Рагги (1982), В. Савчук

(2011), К. Тоффлер (2004), Ф. Утар (2009) исследуют особенности формирования глобальной институциональной среды путём согласования противоречивых интересов субъектов международных отношений.

Таким образом, указанный подход даёт возможность понять существенные сдвиги в концептуализации критериев общественной легитимности международного экономического порядка, а проблема формирования современной парадигмы МПЭ размещается именно в этой плоскости.

Утверждение 1 доказано.

Утверждение 2

Поиск особенностей развития МПЭ, детерминированного социоинституциональными тенденциями мирового экономического развития, сосредоточен на трёх основных моментах:

1. Определении междисциплинарного характера МПЭ. Эпистемическая интервенция позволяет МПЭ применять теоретические подходы и положения других наук, даёт возможность подойти к инновационному решению своих теоретико-методологических и практических проблем МПЭ.

Одним из проявлений инновационности теоретического поиска приоритетов мирового экономического развития является когнитивное направление исследования проблем МПЭ, которое получило выражение в стратегии экономического мышления, опирающегося на повышение интеллектуальной культуры субъектов хозяйствования и открывающего новые возможности мирового экономического роста и социального прогресса.

2. Изучении закономерностей современного капитализма как системы накопления богатства в мировом масштабе с точки зрения воспроизводства общего накопления капитала, эффективности международных институтов включительно с формами регулирования отношений между капиталом и трудом с учётом метасистемной специфики цивилизационных трансформаций.

3. Определении глобальной социальности в контексте сотрудничества и противоборства субъектов международных отношений сквозь призму информационных потоков, построенных по принципу обратной связи, и сети целенаправленных коммуникативных механизмов, воспроизводящих возможность достижения мирового порядка.

Доказательство утверждения 2

Концептуализация перечисленных позиций (1, 2, 3) определена логикой современных общественных трансформаций, несущих на себе признаки межсистемных преобразований функциональной структуры мирового политико-экономического пространства.

Развитие мировой хозяйственной системы характеризуется рядом процессов, взаимодействие которых на протяжении определённого времени порождает структурную комбинацию относительно устойчивых экономических, социальных, политических и других характеристик, что формирует особенности мирового экономического развития

и содержит пространственно-временные конstellации институтов и стратегий субъектов мировой хозяйственной системы, поддерживающих воспроизведение международных отношений. Связано это с тем, что отношения между субъектами мировой хозяйственной системы состоят на принципах взаимовыгодного сотрудничества и взаимозависимости, обратной стороной которых являются противоречия и конфликты.

Следовательно, консенсус и конфликт составляют две противоположные и одновременно взаимосвязанные и взаимодополняющие составляющие международных отношений, что порождает стремление отыскивать объективные законы социального благоустройства действий субъектов мировой хозяйственной системы на методологической основе МПЭ.

Утверждение 2 доказано.

Утверждение 3.

По указанным условиям МПЭ становится важным эпистемологическим источником современного научного знания, прежде всего в понимании новейших методов интеграции естественнонаучного и социогуманитарного знания по логике тенденций развития мировой хозяйственной системы.

Доказательство утверждения 3.

Так, Л. Матье отмечает: "Прогресс в научных исследованиях может быть достигнут только объединёнными усилиями специалистов различных отраслей знания; используя и сопоставляя достижения различных наук для решения одной задачи, они смогут понять общие законы мира" (1985. С. 16). В этой связи важным является то, что мировая хозяйственная система находится в постоянном движении от одного устойчивого состояния в другое, проходя через точки бифуркации в зависимости от действующих аттракторов.

Бифуркации предусматривают разветвления пути системной эволюции. В точке бифуркации система находится в неравновесном состоянии, где малейшие флуктуации (случайные обстоятельства, исторические события, поведение отдельных индивидов и т.д.) изменяют направление дальнейшего развития (Пригожин, Стенгерс, 1986. С. 117). Бифуркации происходят в том случае, когда такие системы теряют устойчивость в окружающей среде. Именно в этом состоянии, состоянии достижения максимальной энтропии, создаётся противоположность деструкции – креативные процессы.

Действующие аттракторы направляют развитие системы по определённой траектории "временной последовательности" в фазовом пространстве. В то же время аттракторы не являются силами в классическом значении этого слова, поскольку их действие распространяется на систему в целом и это действие, которое изменяет динамические качества системы, распространяется за пределы конкретного положения указанной системы. Во время выхода системы за пределы определённых пороговых величин, она из одного набора ат-

тракторов переключается на другой, то есть входит в новый динамический режим. В точке перехода от одного динамического режима к другому происходит бифуркация (Laszlo, 1975. P. 12). Такими аттракторами являются международное разделение труда, ресурсная и технологическая базы, политические центры силы, накопленный капитал, системы получения и распределение совокупного мирового продукта (Gilpin, 1981. P. 49).

В частности, Э. Ласло считает, что социальные, экономические и политические системы современности сложные и нестабильные, а пути их развития должны рано или поздно бифуркировать (1991). Э. Ласло под бифуркацией подразумевает некую фундаментальную характеристику в поведении сложных динамических систем, испытывающих высокую степень давления и напряжения. Как следствие, системы переходят от динамического режима одного набора аттракторов, обычно более устойчивых и простых, до динамического режима набора более сложных и "хаотических" аттракторов. Причины перехода к такому пороговому, а затем и нестабильному, хаотическому состоянию может быть несколько: во-первых, это влияние недостаточно усвоенных или неудачно применённых технических новшеств, которые Э. Ласло называет Т-бифуркациями; во-вторых, они могут быть спровоцированы внутренними и внешними социальными конфликтами (война, завоевания, революции, клановые и этнические коллизии) – это С-бифуркации; в-третьих, явления нестабильности могут вызвать резкий упадок социально-экономического порядка под влиянием растущего кризиса, что приводит к Э-бифуркации.

Если противоречия между различными составляющими социальной системы своевременно не регулируются, а продолжают углубляться, то её структуры подходят к периоду, в котором малые возмущения могут резко возрасти вследствие нелинейной положительной обратной связи. Под влиянием этой связи флуктуации начинают сверхбыстро развиваться в режиме обострения, и система достигает точки бифуркации, в которой энтропия (уровень конфликтности) достигает порогового уровня. Это приводит к динамическому хаосу, создавая многовариантную возможность перехода системы в новое состояние. Такие переходы, как отмечает Э. Ласло, могут быть мягкими, если переход является результатом роста аттрактивного напряжения; "взрывными", если система изымается из одного режима и вводится в другой (1975. P. 17).

Однако в синергетических системах проявляется сила объединённости, общей направленности акторов социальных взаимодействий. Хаотично разрозненные, разнонаправленные процессы системы оказываются как бы "втянутыми", подчинёнными этой объединительной силе, захваченными в зону её действия. Эта способность упорядоченного влияния получила у Г. Хакена название "принцип подчинения" (2000. С. 36–37). Исходя из такого понимания природы социальной самоорганизации, А. Дахин справедливо считает, что динамика социальной самоорганизации определяется качеством локальной

самоорганизации акторов социальных взаимодействий, то есть их строением и структурой. В строении внутренних социальных пространств, с одной стороны, выделяются такие структурные элементы, как "центр" (зона первоочередных, наиболее активных взаимодействий акторов), "периферия" (поле второстепенных взаимодействий акторов), "предел" (зона предельных или малых значений внутреннего пространства актора). С другой стороны, каждое социальное взаимодействие актора – это взаимодействие с ресурсными местами – социальными институтами, индивидами или социальными сетями, которые открывают актору доступ к тем или иным ресурсам, необходимым для его сохранения или развития ресурсов (2010. С. 6).

Следует отметить, что в концептуализации акторов международных отношений представители реализма исходят из природы международных отношений и способности различных политических образований влиять на формирование мировых политических процессов. По утверждению Г. Моргентау, "все политические действия имеют целью или сохранение силы, или её увеличение, или демонстрацию" (1948. Р. 21). В связи с этим выделяются два типа акторов мировой политики: первичные акторы международных отношений, к которым относятся государства, которые в своём взаимодействии определяют мировой политический процесс, и другие международные акторы, которые создаются государствами или взаимодействуют в политической среде, правила которой по Вестфальской системе определяют государства.

Рассматривая государство как первичного актора международных отношений, *представители реализма* соответственно подходят и к формированию критериев выделения акторов. По их определению, понятие актора международных отношений предполагает направленность действий на окружающую среду, что в свою очередь требует границы, которая, выделяя внешнее и внутреннее, отделяет определённую единицу. Именно поэтому основными критериями выделения акторов является "суверенитет, признание государственности, способность контролировать территорию и представлять население" (Carr, 2001. Р. 80). Таким критериям субъектности способно отвечать только государство в его вестфальском понимании. Несмотря на то, что государство в Вестфальской системе международных отношений является лишь одной из разновидностей политического образования, его легитимность признаётся другими членами "суверенного клуба" и "нет другого официального коллегиального сообщества, которое было бы подобно сообществу государств в Вестфальской системе и давало бы возможность формального признания других политических образований" (Ferguson, 1996. Р. 401). Как первичные акторы международных отношений, государства могут приобретать международные права и обязанности и поступаться частью суверенитета в пользу международного сообщества. Для реализации целей внешней политики государства создают международные институты и наделяют их определёнными компетенциями. Международные институты рассматриваются как вторичные акторы или инструменты государства,

имеющие незначительное автономное влияние на межгосударственное взаимодействие (Grievess, 1979. P. 4) и представлены несколькими разновидностями, основными из которых являются международные организации, международные режимы и международные конференции. Другие негосударственные акторы – транснациональные корпорации, транснациональные группы – действуют в политико-правовом поле государства, поэтому обычно рассматриваются как маргинальные участники мировой политики (Archer, 1993. P. 85).

Неореалисты подходят к определению акторов международных отношений на основе характеристики мировой политической системы, представляющих как её элементы (Waltz, 1979. P. 79). По логике системных теорий именно акторы международных отношений образуют структуру мировой политической системы (Waltz, 1979; Rosenau, 2006). Учитывая характеристики современной мировой политической системы, её акторами способны быть только государства, поскольку только государства имеют необходимые ресурсы для реализации силовой политики, в частности обладают монополией на применение легитимного насилия, они рассматриваются как важнейшие акторы. В то же время мировая политика предстаёт как борьба за власть между суверенными государствами (Carr, 2001. P. 21). Они могут отличаться по размеру, форме, силе, однако функционально подобны. Именно поэтому для определения международных политических структур не важно, какие традиции, привычки, цели, желания или формы имеет государство, какой у неё политический режим или устройство, ключевое значение имеет только её силовой потенциал (Waltz, 1979. P. 99). Учитывая эти обстоятельства, не все государства имеют одинаковую возможность для реализации своих интересов на международной арене. Так, великие державы устанавливают порядок взаимодействия для других, а соотношение их потенциалов формирует полярность мировой политической системы.

Представители либерального направления, исходя из понимания государства как основного участника международного взаимодействия в условиях анархической системы, утверждают, что оно не является самостоятельным игроком, а является инструментом реализации интересов и преференций общественных акторов, которых оно представляет на международной арене (Гнатюк, 2014). Поэтому их деятельность определяется внутренними особенностями организации и балансом интересов между заинтересованными общественными игроками. Как следствие, такое толкование поведения основного актора международных отношений вносит существенные коррективы в понимание природы политической акторности. В частности, Р.Кеохейн и Дж. Най вводят в смысловую структуру концепта актора международных отношений категорию транснационального взаимодействия, активными субъектами которого являются негосударственные акторы. Транснациональное взаимодействие определяется как "движение материальных и нематериальных активов через государственные границы при условии, что один из акторов этого взаимодействия не являет-

ся правительственным агентом" (Keohane, Nye, 1972. P. 332). Исследование взаимодействия различных транснациональных акторов (мультинациональных корпораций, религиозных организаций, революционных движений, профсоюзных организаций) позволило Р. Кеохейн и Дж. Наю сделать вывод, что не всегда государство выступает как единственный важный актор мировой политики, и даже больше – "оно не всегда даже опосредует входящие и исходящие социальные потоки действий" (1972. P. 322-323). Усиление роли негосударственных акторов обусловлено, прежде всего, "уменьшением суверенитета" и усилением влияния глобальных процессов на внутреннюю ситуацию в государстве, что приводит к интернационализации внутренней политики и росту независимости самих субнациональных акторов. Деятельность этих негосударственных акторов на международной арене влечёт "эрозию государственного суверенитета", что проявляется в снижении степени автономности государств как замкнутых общественно-политических систем. Имеющиеся условия международного взаимодействия ограничивают суверенное право правительств осуществлять собственную внешнюю и внутреннюю политику, заставляя их всё больше считаться с интересами других государств и даже негосударственных субъектов международных отношений. Результатом является "комплексная взаимозависимость", которую Р. Кеохейн и Дж. Най определяют как совокупность "различных каналов, объединяющих общества во внутригосударственных, трансправительственных и транснациональных отношениях" (1972. P. 324).

Представители неолиберального направления рассматривают международные организации как более высокий, по сравнению с государством, уровень политической организации, считая, что международные организации могут иметь не только межгосударственный, но и наднациональный характер и способны нивелировать эффект силы и интереса в достаточной степени, чтобы способствовать сотрудничеству между государствами (Lucas, 1999). Соответственно структуру международной системы представители неолиберализма рассматривают как совокупность возможностей, интересов и институтов.

Таким образом, разные права, обязанности и способность участия в создании и реализации норм международного права свидетельствуют о наличии разных типов международных акторов. Их функционирование и взаимодействие под влиянием внутренних и внешних факторов порождают новое качество интеграционного развития мировой хозяйственной системы. Эта новая интеграционная форма и качество находят своё проявление в появлении таких потребностей:

унификации определённых правил игры для акторов международных отношений;

новых формах управления мировой экономикой;

появления новых закономерностей политической деятельности отдельных национальных государств, когда они уже не могут быть самостоятельными в принятии необходимых решений по функционированию национальной экономики;

ограничении альтернатив выбора целей и инструментов развития отдельных стран, отдельных регионов со стороны мирового сообщества и в интересах этого сообщества.

Итак, факторами, ускоряющими в современных условиях глобализационные тенденции в мире, и институциональными формами, в которых эти тенденции реализуются, выступают, прежде всего, научно-техническая революция, деятельность транснациональных корпораций в условиях этой революции, информационная революция, социализация экономической жизни в странах, глобализация проблем безопасности (экологической, сырьевой, продовольственной, ядерной и т.д.), экономическая политика развитых государств и международных финансово-кредитных организаций. Также, по В. Савчуку, эти факторы могут обеспечивать как положительную динамику и результаты глобализации, так и отрицательные последствия этого процесса (2011).

Таким образом, пространственно-временная форма сбалансированности мирового экономического развития определяет необходимость поиска дальнейших путей эволюции мировой хозяйственной системы, предполагает исследование механизмов возникновения порядка из хаоса, выяснение специфики их функционирования в процессе раскрытия человеческих способностей, удовлетворения объективных потребностей общественного человека, учитывая природу логических форм МПЭ.

Утверждение 3 доказано.

Утверждение 4.

Логическая организация политико-экономического исследования многофакторности и многовекторности мирового экономического развития и определения структурной трансформации мирового порядка формируется на основе системы методологических принципов, в которую включены холизм, детерминизм и информационность.

Доказательство утверждения 4.

Системное познание закономерностей и тенденций мирового экономического развития детерминирует понимание конфигурации логических форм МПЭ (холизм, детерминизм, информационность) в контексте структурирования мирового политико-экономического пространства, которые приведены на рис. 1.

Холизм. Согласно методологическому принципу холизма, миром правит процесс творческой эволюции, создавая новые целостности. Концептуализируя глубокие изменения последних десятилетий как "модернизацию общества", В. Бек и К. Лау утверждают, что "старые различия и дихотомии исчезают" и появляются "новые правила игры" (2006. С. 3). Соответственно, как общественный строй (стабилизационный фактор), так и конфликт (диссипативный фактор) являются неотъемлемыми составляющими социоинституциональных тенденций мирового экономического развития.

При таком понимании мировой порядок нельзя рассматривать как навсегда установленную и завершённую систему. Здесь принципы самоорганизации и организации (понимаемые как целенаправленная деятельность по упорядочению, структуризации и управлению системами) органично сочетаются. Для мирового порядка как открытой системы характерно органичное сочетание таких дополняющих друг друга противоположностей, как статика и динамика; устойчивость и неустойчивость; определённость и неопределённость; однообразие и разнообразие; симметрия и асимметрия; предсказуемость и непредсказуемость и т. п. Мировой порядок согласно своим основным принципам формирования и функционирования является открытой сложной неравновесной системой, которая формируется на основании таких институциональных факторов, как: стремление стран-лидеров, опираясь на свою экономическую, политическую, военную мощь, сохранить и укрепить своё доминирование в мире; глобализация и унификация мировой экономики, которая сопровождается потерей или ослаблением суверенитета национальных государств, а также появлением на геополитической арене новых акторов международных отношений; поиск целым рядом государств своего геополитического кода развития, социокультурной и цивилизационной идентичности и привлекательности, основанных на возвращении утраченных культурных традиций, основ и т. п.; усиление социального неравенства под давлением истощения сырьевых ресурсов и ухудшения состояния окружающей среды; глобализация социальной инфраструктуры мирового политико-экономического пространства. По сути, речь идёт о пяти факторах, определяющих развитие современного мира: мощь, богатство, хаос, идентичность и справедливость (Калужный, 2009. С. 75–76). Их органичное взаимодействие определяет основу формирования глобального мироустройства.

Поэтому исследование неравновесных социальных систем с беспрецедентно сложным переплетением экономических, социальных, политических, технологических факторов выдвигают на первый план такие средства и черты научного анализа, как нелинейность, поливариантность, системность, полисеманτικότητα и др. В то же время исследования неоднородности, многофакторности и многовекторности мирового экономического развития, закономерностей взаимодействия экономических институтов в различных пространственных измерениях, многокритериальность оценки эффективности функционирования пространственных систем требует разработки новых методологических подходов и методов познания структурирования мирового политико-экономического пространства.

Выработка правильного метода познания расценивалась Г. Гегелем как важнейшая задача. В методе познания Г. Гегель усматривал осознание формы внутреннего самодвижения содержания науки. Это означает, в частности, что метод познания формируется из самой истории познания, диалектически конституируется в систему через отрицание отрицаний и, следовательно, образует своеобразную спираль

развития. Речь идёт о таком взаимодействии субъекта и объекта в процессе познания, когда субъект под влиянием объекта и полученного о нём знания меняется сам и меняет предмет дальнейшего познания (1972. С. 262). В то же время важно учитывать то, что в субъектной или объектной роли может выступать и системное образование в целом, и его отдельные элементы. Чередование субъектных и объектных определений в мировой хозяйственной системе происходит тогда, когда имеет место переход действия (исходной активности) в элемент содержания интересов акторов международных отношений.

Детерминизм. В мировом общественном развитии существует зависимость последующих состояний общества от предыдущих. В. Цапф, соединив исследования модернизации, качества жизни и социального обеспечения, продемонстрировал разные возможные конstellляции факторов (1979. Р. 241), ведь свойственные обществу объективные законы мироздания определяют лишь общее направление, тенденции социальных изменений, а их конкретные формы и методы познания определяются в "креативности и жизнеспособности институтов" в сочетании с индивидуальной и социальной ответственностью (Bellah, Madsen, et al., 1991. Р. 17). Как отмечает относительно этого Ф. Фукуяма, "хотя людям и присущи особые способности к сотрудничеству и созданию социального капитала, они реализуют это сотрудничество так, чтобы защитить свои интересы как индивидов" (2004. С. 220). *При этом следует учитывать, что каждый из субъектов мировой хозяйственной системы имеет свои особенности адаптации к межсистемным трансформациям, различную структуру и продолжительность циклов своего развития.*

Необходимо учитывать, что современная система международных отношений является трёхуровневой и содержит глобальный (надгосударственный), межгосударственный и региональный уровни. В то же время развитие социальной системы "мировая экономика" происходит циклически с интервалом примерно в 70 лет. Каждый цикл развития проходит через конфликтный (50 лет) и бесконфликтный (20 лет) этапы, реализуемые бифуркационным и адаптационным механизмами развития соответственно (Чистилин, 2004. С. 63). В условиях функционирования бифуркационного механизма развития реструктуризируются старые и формируются новые связи системы, что сопровождается изменением параметров мирового экономического развития. Под давлением адаптационного механизма развитие происходит бесконфликтно и сопровождается скачкообразным ростом масштабов международного движения капитала, транснациональных систем производства, распространением и интенсификацией в мировом масштабе трансакций, коммуникаций, диффузии технологий и т.п. Происходит образование транснациональных корпоративных вертикально-интегрированных цепочек добавленной стоимости по принципам международной кооперации производства (Wolfson, Kotz, 2009). Каждое следующее состояние системы имеет сложную и эффективную с экономической точки зрения структуру, чем предыдущее, что и обеспечивает целостность системы в условиях этой среды.

В целом речь идёт о системе политических и экономических мероприятий, направленных на обеспечение максимальной прибыли в условиях кризиса накопления капитала. Эти мероприятия являются попыткой трансформации режима накопления капитала, который бы позволил преодолеть структурный кризис мировой хозяйственной системы. В результате постоянство мировой хозяйственной системы имеет свои пределы, в которых происходит устойчивое развитие. Выход системы за пределы устойчивости вызывает слишком неравновесные состояния и неопределённость дальнейшего поведения системы, где одним из возможных вариантов развития может быть глобальный конфликт. По И. Шумпетером, это "творческое разрушение" (1995. С. 124–129), под которым понимается избавления от старого и расчистки места для создания нового.

Показательно, что взаимодействие социальной системы с окружающей средой происходит путём обмена информацией, энергией, веществом в форме целенаправленной деятельности субъектов, что приводит к преобразованию природной и социальной среды мировой хозяйственной системы. Так, за последние сто лет население планеты увеличилось в 20 раз при росте спроса на природные ресурсы в 600–2000% (Снежко, 2012. С. 4). Отсюда вытекает необходимость глубокого всестороннего анализа причин противоречий между странами мирового политико-экономического пространства по объёмам использования природных ресурсов и темпов экономического роста, оценки тенденций глобальной экологической политики, особенностей властных коммуникаций, связанных с развитием человеческой личности, её интеллектуального богатства, креативно-духовного потенциала и др. Следовательно, речь идёт о корреляции доминирующего начала экономики, исходной точкой которой становятся гуманистические ценности по формированию новой многоструктурной по своим функциональным характеристикам экономики, которая фокусируется на антропологическом измерении своих результатов, экономики, в которой человек находит себя, воспроизводит себя не только как субъект, но и как объект продуцирующего процесса (Гальчинский, 2012. С. 10).

В частности, согласно Э. Пестелю, сбалансированное общество должно создаваться на базе принципов организации живой природы, где подсистемы развиваются не статически, а динамически, постоянно обновляются, ни одна подсистема не развивается в ущерб другим, а "прогрессивные изменения в какой-то одной части получают реальный смысл только тогда, когда им отвечают прогрессивные процессы в другой" (1988. Р. 93–94). Именно при таких условиях возникла насущная необходимость в расширении средств по рассмотрению всего разнообразия проявлений экономических интересов акторов международных отношений с одновременным закладыванием основы междисциплинарного пространства природы знания. Это означает, что человеческое действие рассматривается как системно-целостный процесс, в котором могут быть выделены следующие функциональные подсистемы: 1) вызывающая, которую образуют присущие каждому

субъекту деятельности потребности и интересы; 2) идеально-регулятивная, которую образуют информационные механизмы сознания – цели, программы, мотивы, стимулы поведения; 3) операциональная, которая является активностью целереализации; 4) результативная, которую образуют полученные результаты человеческой деятельности. В то же время актуальность приобретают вопросы упорядоченности деятельности субъектов хозяйствования, которые проявляются с помощью институциональной базы социальной ответственности и социального партнёрства акторов международных отношений. Это требует создания нормативной основы идентификации общественного порядка в рамках мирового политико-экономического пространства, опираясь на которую можно было бы переосмыслить место человека в мироздании, критически проанализировать направления дальнейшего развития мировой цивилизации.

Информационность. Человеческая деятельность основана на информационных процессах, благодаря которым появляется возможность каждому поколению опираться на опыт своих предшественников, диагностировать состояние социальных проблем, прогнозировать будущее развитие. В частности, Н. Луман рассматривал общество как структуру, которая воспроизводит себя и создаёт новую реальность через непрерывно возобновляемые коммуникации (2004. С. 86). Таким образом, в процессах, связанных с информационным обменом между акторами международных отношений, главное место занимают проблемы коммуникативного взаимодействия субъектов мировой хозяйственной системы. Это означает, что мировая экономика и мировая политика как предметное поле международных отношений взаимодействуют между собой в соответствии со стратегическим направлением развития глобального общества.

По сути, мировая экономика является системной организацией, обеспечивающей экономическую и социальную упорядоченность взаимодействия субъектов на основе международных отношений и институциональной среды в рамках мирового политико-экономического пространства (Корнивская, 2011. С. 40). В то же время мировая политика определяет некоторое социальное положение основных субъектов международных экономических отношений, создаёт основу для прорыва от жёсткой дифференциации и поляризации различных слоёв общества к качественно новым потребностям и возможностям отдельных социальных групп, отдельного человека. Как следствие, саморегуляция мировой хозяйственной системы происходит под влиянием механизмов социального воспроизводства и развития её структуры. Соответственно, система саморегуляции общества состоит из четырёх механизмов информационного происхождения, а именно: механизма изучения состояния общества, механизма создания закона, механизма действия закона, механизма реализации закона. В то же время на стадии функционирования системы саморегуляции возникает механизм обратной связи. Важной характеристикой социальной системы является целостность, которая означает, что значимость взаимодействия элементов и подсистем между

собой урегулирована соответствующими институциональными нормами и основана на цели, сложившейся в результате информационного взаимодействия между элементами системы.

Итак, природа логических форм МПЭ связана с такими социоинституциональными тенденциями мирового экономического развития, как: международное нормирование социальной ответственности субъектов мировой хозяйственной системы; предпочтение концепции устойчивого развития в структурировании интеграционных интересов акторов международных отношений в рамках мирового политико-экономического пространства; использование когнитивного подхода к осмыслению легитимационных механизмов глобального управления, укрепление системы международной социальной безопасности с использованием доминантных характеристик мирового социального капитала.

Итак, разнообразие социоинституциональных тенденций мирового экономического развития сопровождается формированием соответствующей системы ценностей и интересов акторов международных отношений. Содержательно эти тенденции сопровождаются формированием определённых средств легитимации институтов глобального управления, обеспечивающих легитимность многостороннего международного экономического порядка.

Утверждение 4 доказано.

Вывод. Стратегия создания органического мирового политико-экономического пространства приобретает статус мировоззрения человечества, она является ментальной средой "мирового порядка", в котором объединяются исследовательские основы законов мироздания. При таких условиях логико-методологические основы развития МПЭ обозначаются социоинституциональными тенденциями мирового экономического развития. Исследовательская программа МПЭ должно основываться на анализе системно-структурных преобразований в воспроизводстве международных отношений, определении эффективности функционирования мировой хозяйственной системы как многокомпонентной характеристики мирового политико-экономического пространства, разработке антикризисных мер упреждающего характера и определении критериев общественной легитимности глобального управления, согласно которой системообразующим принципом воспроизводства международных экономических отношений является развитие личности.

Литература

1. Амин С. (2009). Глобализация сопротивления: Борьба в мире. Москва: Книжный дом и "ЛИБРОКОМ". 309 с.
2. Арриги Джованни (2009). Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство 21 век. Москва: Институт общественного проектирования. 456 с.
3. Бек У., Лау Кр. (2006). Вторая модернность как перспектива исследования: "метаизменения" современного общества. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 11. Социология. № 4. С. 5–11.

4. Бек У. (2007). Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. Москва: Прогресс-Традиция; Издательский дом "Территория будущего". 464 с.
5. Білорус О. (2018) Політекономічний прогноз глобального співрозвитку в XXI столітті: глобальний посткапіталізм або світ-система інформаційно-мережевого глобалізму. *Економічна теорія*. № 1. С. 5–20. doi: <https://doi.org/10.15407/etet2018.01.005>
6. Гальчинський А. (2012). Економічний розвиток: методологія оновленої парадигми. *Економіка України*. № 5. С. 4–17.
7. Гегель Г. (1972). Наука логики в 3-х томах. Т. 3. Москва: Мысль. 374 с.
8. Гнатюк М. (2014). Міжнародний актор та політична суб'єктність у дискурсі реалістського і ліберального підходів. *Наукові записки НАУКМА. Політичні науки*. Т. 160. С. 44–48.
9. Гриценко А. (2012). Політична економія: актуалізація проблематики, методологічний потенціал і сполученість з інституціоналізмом. *Економічна теорія*. № 1. С. 5–20.
10. Дахин А. (2010). Система "бизнес-власть": теоретические вопросы становления в свете синергетического подхода. *Власть*. № 11. С. 4–10.
11. Калужный В. (2009). Контуры мирового устройства в XXI в. (теоретический анализ). *Власть*. № 11. С. 75–78.
12. Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Москва: ГУ-ВШЭ. 608 с.
13. Корнівська В. (2011). Сучасні тенденції розвитку глобального економіко-інституційного простору. *Економічна теорія*. № 3. С. 36–45.
14. Луман Н. (2004). Общество как социальная система. Москва: Логос. 232 с.
15. Матье Л. (1985). Сбережем землю. Москва: Прогресс. 173 с.
16. Пахомов Ю. (2008). Біфуркаційний стан світосистемного ядра напередодні зміни світових лідерів. *Економіка України*. № 4. С. 4–14.
17. Пестель Э. (1988). За пределами роста. Москва: Прогресс. 272 с.
18. Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс. 432 с.
19. Савчук В. С. (2011). Міжнародна, або глобальна, політична економія. Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. *Методологічні проблеми сучасної політичної економії*. Відп. ред. О. О. Беляев. Київ: КНЕУ. С. 175–185.
20. Снежко Е. (2012). Истощение земли. *Инвестгазета*. № 4. С. 4–5.
21. Стиглиц Дж. (2003). Глобализация: тревожные тенденции. Москва: Национальный общественно-научный фонд. 304 с.
22. Тарасевич В. (2015). Економічна соціодинаміка у філософському просторі економіко-теоретичного знання. *Економіка України*. № 1. С. 42–59.
23. Тоффлер Э. (2004). Третья волна. Москва: АСТ. 781 с.
24. Філіпенко А. (2012). Політекономія світового господарства. *Журнал Європейської економіки*. Т. 11. № 1. С. 4–13.
25. Фукуяма Ф. (2004). Великий разрыв. Москва: ООО "Издательство АСТ": ЗАО НПП "Ермак". 474 с.
26. Хакен, Г. (2000). Основные понятия синергетики. Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. Москва: Прогресс-Традиция. 535 с.
27. Чистилин, Д. (2004). Самоорганизация мировой экономики. Евразийский аспект. Москва: ЗАТ Издательство "Экономика". 237 с.
28. Шумпетер Й. (1995). Капитализм, социализм и демократия. Москва: Экономика. 540 с.
29. Archer, C. (1993). *International Organizations*. London: Routledge. 205 p.
30. Bellah, R., Madsen, R. (1991) *The Good Society* [Robert N. Bellah, Richard Madsen, William Sullivan et al.]. N. Y.: Alfred A. Knopf, Inc. 347 p.
31. Carr, E. (2001). *Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. Basingstoke: Palgrave. 233 p.
32. Ferguson, Y., Mansbach, R. (1996). *Politics. Authority, Identities and Change*. South Carolina: University of South Carolina Press. 495 p.
33. Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 288 p. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511664267>
34. Grievess, F. (1979). *Transnationalism in world politics and business*. New York: Pergamon Press. 217 p.

35. Hoffmann, S. (2002, July/August). Clash of Globalizations: Foreign Affairs. doi: <https://doi.org/10.2307/20033243>
36. Huntington, S. Ph. (1993). The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72, № 3, 22–49. doi: <https://doi.org/10.2307/20045621>
37. Keohane, R., Nye, J. (eds.). (1972). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge: Harvard University Press. 428 p. doi: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674593152>
38. Laszlo, E. (1975). The meaning and significance of General System Theory. *Systems Research and Behavioral Science*, Vol. 20. Issue 1, 9–24. doi: <https://doi.org/10.1002/bs.3830200103>
39. Laszlo, E. (1991). *The Age of Bifurcation: The Key to Understanding the Changing World*. N. Y., L.: Gordon & Breach Publishing Group. Vol. 3, 126.
40. Lucas, M. (1999). *Nationalism, sovereignty and supranational organizations*. Hamburg. 66 p.
41. Morgenthau, H. J. (1948). *Politics among nations: the struggle for power and peace*. New York: Knopf. 489 p.
42. Rosenau, J. (2006). *The Study of World Politics*. Vol. 1: theoretical and methodological challenges. London, New York: Routledge. 320 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203014721>
43. Ruggie, J. (1982). International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic System. *International Organization*. Vol. 36, № 2, 379–415. doi: <https://doi.org/10.1017/S0020818300018993>
44. Wallerstein, I., Clesse, A. (2003). *The World We Are Entering 2000–2050*. Amsterdam: Dutch University Press. 275 p.
45. Waltz, K. (1979). *Theory of international politics*. Reading, Mass: Addison-Wesley Pub. Co. 251 p.
46. Wolfson, M., Kotz, D. (2009). A Re-conceptualization of SSA Theory. Retrieved from http://people.umass.edu/dmkotz/Reconcep_SSA_Th_09_01.pdf
47. Zapf, W. (1979). Modernization and welfare development: The case of Germany. *Social Science Information*. Vol. 12, № 2, 219–246. doi: <https://doi.org/10.1177/053901847901800203>

Поступление в редакцию 19.12.2018

LOGICAL METHODOLOGICAL PRINCIPLES FOR DEVELOPING INTERNATIONAL POLITICAL ECONOMY

Yurii Lysenko, Nataliia Dalevska

Author affiliation:

Yurii Lysenko (yuriy.lysenko.1945@gmail.com), Higher Educational Establishment of Ukoopspilka "Poltava University of Economics and Trade".

Nataliia Dalevska (dalevskanm@gmail.com), ID ORCID: orcid.org/0000-0002-0074-497X, Associate Professor of the Department "Enterprise Economics", Donetsk National Technical University.

The authors consider International political economy a comprehensive scientific discipline, combining theoretical fundamental and practical applied lines of studying integrated trends in the structuring of the world political and economic space. The logical and methodological principles of developing international political economy are revealed. Within the civilization paradigm, a configuration of logical forms of international political economy (holism, determinism, informationality) is proposed, which provides an opportunity to study the multi-factor and multi-vector nature of the world economic development and determine the structural transformation of the world order.

The authors investigate the transformational processes of creating the organic global political and economic space and substantiate the socio-institutional tendencies of the world economic

development. They also define the guidelines for studying the evolution of the world economic system as a multicomponent characteristic of the world political and economic space, with due regard to the nature of the logical forms of international political economy.

Key words: international political economy, global economic development, global political and economic space, international relations, systemic structural transformations, logical forms of international political economy.

JEL: F500; B410.

References

1. Amin, S. (2009). The globalization of resistance: The struggle in the world. Moscow: Book House and LIBROCOM [in Russian].
2. Archer, C. (1993). International Organizations. London: Routledge.
3. Arrigi, G. (2009). Adam Smith in Beijing: What has the 21st century inherited. Moscow: Institute of Public Design [in Russian].
4. Beck, U., Lau, Kr. (2006). The second modernity as a prospect of research: the "meta-changes" of modern society. *Socialnye i gumanitarnye nauki. – Social and Human Sciences. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura – Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology*, 4, 5-11 [in Russian].
5. Beck, U. (2007). Power and its opponents in the era of globalism. New world political economy. Moscow: Progress-Tradicija; Izdatelskij dom "Territorija budushhego" [in Russian].
6. Bellah, R., Madsen, R. (1991). The Good Society [Robert N. Bellah, Richard Madsen, William Sullivan et al.]. New York: Alfred A. Knopf, Inc.
7. Bilorus, O. (2018) The political economic forecast of global co-development in the XXI century: global post-capitalism abo world-system of information-network globalism. *Ekon. teor. – Economic theory*, 1, 5-20. doi: <https://doi.org/10.15407/etet2018.01.005> [in Ukrainian].
8. Carr, E. (2001). Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. Basingstoke: Palgrave.
9. Castells, M. (2000). Information Age: the economy, society, culture. Moscow: HU-VSHE [in Russian].
10. Chistilin, D. (2004). Self-organization of the world economy. Eurasian aspect. Moscow: Economy [in Russian].
11. Dakhin, A. (2010). The system of "business-power": theoretical issues of formation in the light of a synergistic approach. *Vlast – Power*, 11, 4-10 [in Russian].
12. Ferguson, Y., Mansbach, R. (1996). Politics. Authority, Identities and Change. South Carolina: University of South Carolina Press.
13. Filipenko, A. (2012). Political economy of the world economy. *Zhurnal Yevropejskoi ekonomiky – Journal of European economics*, 11: 1, 4-13 [in Ukrainian].
14. Fukuyama, F. (2004). The great gap. Moscow: ACT Publishing LLC: Ermak ZAO [in Russian].
15. Gilpin, R. (1981). War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511664267>
16. Grieve, F. (1979). Transnationalism in world politics and business. New York: Pergamon Press.
17. Haken, G. (2000). The basic concepts of synergy. Synergetic paradigm. The variety of searches and approaches. Moscow: Progress-Tradicija [in Russian].
18. Halchinsky, A. (2012). Economic development: methodology of a renewed paradigm. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 5, 4-17 [in Ukrainian].
19. Hegel, G. (1972). Science of logic: in 3 volumes. V. 3. Moscow: Mysl [in Russian].
20. Hnatiuk, M.M. (2014). The international actor and a political subjectness in the discourse of realist and liberal approaches. *Naukovi zapysky NaUKMA. Politychni nauky – Scientific notes of NaUKMA. Political science*, 160, 44-48 [in Ukrainian].
21. Hoffmann, S. (2002, July/August). Clash of Globalizations: Foreign Affairs. doi: <https://doi.org/10.2307/20033243>

22. Hrytsenko, A. (2012). Political economics: topicality of the current issues, methodological potential, and coherence with institutionalism. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 1, 5-20 [in Ukrainian].
23. Huntington, S.Ph. (1993). The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72, 3, 22-49. doi: <https://doi.org/10.2307/20045621>
24. Kaliuzhny, V. (2009). The contours of the world order in the twenty-first century. (theoretical analysis). *Vlast – Power*, 11, 75-78 [in Russian].
25. Keohane, R., Nye, J. (eds.). (1972). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge: Harvard University Press. doi: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674593152>
26. Kornivska, V. (2011). Modern tendencies in developing the global economic and institutional space. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 3, 36-45 [in Ukrainian].
27. Laszlo, E. (1975). The meaning and significance of General System Theory. *Systems Research and Behavioral Science*, 20: 1, 9-24. doi: <https://doi.org/10.1002/bs.3830200103>
28. Laszlo, E. (1991). *The Age of Bifurcation: The Key to Understanding the Changing World*. New York, London: Gordon & Breach Publishing Group, 3, 126.
29. Lucas, M. (1999). Nationalism, sovereignty and supranational organizations. Hamburg.
30. Luhmann, N. (2004). *Society as a social system*. Moscow: Logos [in Russian].
31. Mathieu, L. (1985). *Let us save the Earth*. Moscow: Progress [in Russian].
32. Morgenthau, H. J. (1948). *Politics among nations: the struggle for power and peace*. New York: Knopf.
33. Pakhomov, Y. (2008). Bifurcation status of the world system core on the eve of changing the world leaders. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 4, 4-14 [in Ukrainian].
34. Pestel, E. (1988). *Beyond the growth limits*. Moscow: Progress [in Russian].
35. Prigozhin, I., Stengers, I. (1986). *Order from Chaos: A New Dialogue between a Man and the Nature*. Moscow: Progress [in Russian].
36. Rosenau, J. (2006). *The Study of World Politics. Vol. 1: theoretical and methodological challenges*. London, New York: Routledge. doi: <https://doi.org/10.4324/9780203014721>
37. Ruggie, J. (1982). International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic System. *International Organization*, 36, 2, 379-415. doi: <https://doi.org/10.1017/S0020818300018993>
38. Savchuk, V.S. (2011). International, or global, political economy. Market economy formation: collection of scientific papers, special issue *Methodological issues of current political economics*. Kiev: KNEU, 175-185 [in Ukrainian].
39. Schumpeter, J. (1995). *Capitalism, socialism and democracy* [trans. from English. Foreword and total ed. by V. Avtonomov]. Moscow: Economy, 540 p. [in Russian].
40. Snezhko, E. (2012). Land depletion. *Investgazeta – Investnewspaper*, 4, 4-5 [in Russian].
41. Stiglitz, J. (2003). *Globalization: disturbing trends*. Moscow: Nacionalnyj obshchestvenno-nauchnyj fond [in Russian].
42. Tarasevich, V. (2015) Economic socio-dynamics in the philosophical domain of economic and theoretical knowledge. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 1, 42-59 [in Ukrainian].
43. Toffler, E. (2004). *The third wave*. Moscow: AST [in Russian].
44. Wallerstein, I., Clesse, A. (2003). *The World We Are Entering 2000-2050*. Amsterdam: Dutch University Press.
45. Waltz, K. (1979). *Theory of international politics*. Reading, Mass: Addison-Wesley Pub. Co.
46. Wolfson, M., Kotz, D. (2009). A Re-conceptualization of SSA Theory. Retrieved from http://people.umass.edu/dmktotz/Reconcep_SSA_Th_09_01.pdf
47. Zapf, W. (1979). Modernization and welfare development: The case of Germany. *Social Science Information*, 12, 2, 219-246. doi: <https://doi.org/10.1177/053901847901800203>